

сущности, а самый страшный порок – отсутствие одаренности, желание скрыть это отсутствие и замаскировать внутреннюю пустоту ложной значительностью.

Список литературы

Букс Н. Двое игроков за одной доской: Вл. Набоков и Я. Кавабата / Н. Букс // Набоков: pro et contra. – СПб., 1997. – С. 521-541.

Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце: о русских романах В. Набокова / Н. Букс. – М. : Книга, 1998. – 200 с.

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове / А. Долинин. – СПб. : Академический проект, 2004. – 399 с.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе / В.В. Набоков. – М. : Независимая газета, 1996. – 440 с.

Набоков В.В. Собр. соч. : в 4 т. / В.В. Набоков. – Т. 1. – М. : Правда, 1990а. – 416 с.

Набоков В.В. Собр. соч. : в 4 т. / В.В. Набоков. – Т. 2. – М. : Правда, 1990б. – 448 с.

Набоков В.В. Собр. соч. : в 4 т. / В.В. Набоков. – Т. 3. – М. : Правда, 1990в. – 480 с.

Шаховская З.А. В поисках Набокова: Отражения / З.А. Шаховская. – М. : Книга, 1991. – 316 с.

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В «РУССКИХ СКАЗКАХ» В.А. ЛЕВШИНА

А.Н. Малицкая

*Научный руководитель: Е.Е. Приказчикова,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

«Век разума и просвещения» – так говорили о своем времени великие мыслители XVIII столетия. Русское искусство на рубеже XVII и XVIII столетий переживает знаменательный перелом – вступает на путь общеевропейского развития. Однако, приобщаясь к культурному наследию Европы, русские писатели в то же время опирались на коренные отечественные традиции, накопленные за длительный предшествующий период художественно-исторического развития, на опыт древнерусского искусства, фольклора, мифологии или «баснословия», вызывавших большой интерес в XVIII столетии.

Наиболее значительным вкладом в русскую литературу, в русле славянского баснословия XVIII века, можно признать сборник В.А. Левшина «Русские сказки», который выдержал несколько изданий еще при жизни автора – первое состоялось в 1780 г. Для исследования мы использовали издание 1991 г. «Старинные диковинки: Волшебные

богатырские повести XVIII века», куда входит шесть повестей.

В отечественном литературоведении существует несколько традиций интерпретации «Русских сказок». Текст рассматривают с точки зрения близости к былинному и сказочному эпосу [Савченко 1914], как литературную сказку [Киреева 1995], приписывают жанр богатырских повестей [Шкловский 1933: 156] или именуют русским авантюрно-рыцарским романом [Колесницкая 1939].

В сборник Левшина «Русские сказки» входят повести с общеизвестными героями, такими как Добрыня Никитич, Чурило Пленкович, Алеша Попович, и повести с авторскими персонажами: повесть о дворянине Заолешанине, о богатыре Булате, о государе уннов Баламире. Следует сказать о специфике авторского понимания термина «русская сказка». Помимо собственно русской сказочной традиции, автор использует былинных персонажей, смешивает и изменяет сюжеты сказок, вводит мотивы, характерные для рыцарских сказаний и повестей, обращается к традициям летописания, а также к античному мифотворчеству.

Рассмотрим сборник с точки зрения его близости к былинному и сказочному эпосу. В трех повестях фигурируют былинные персонажи: Добрыня Никитич, Чурило Пленкович и Алеша Попович. Однако Левшин значительно преобразует традиционный сюжет. В повести о Добрыне Никитиче главный герой вступает в бой с исполином Тугариным, тогда как согласно фольклорным источникам победителем Тугарина был Алеша Попович. Помимо этого, Левшин вводит в биографию Добрыни совершенно не фольклорный элемент: богатырь рожден от мертвой матери, и в силу этого именно он и оказывается способен сразиться с Тугариным. Здесь, на наш взгляд, можно проследить параллель с античным мифом о рождении Диониса: мотив преждевременного рождения или рождения от мертвой матери.

Интересно интерпретирован сюжет о Чуриле Пленковиче. Левшин полностью заимствовал действие из сказки о Никите-кожемяке. Чурило предстает как кожевник из Киева, который по велению князя Владимира отправляется сражаться с «летающим змием». Так же как и сказочный Никита, Чурило разрывает воловь кожи, когда к нему приходит посольство от князя, и вместо оружия вырывает с корнем дерево, отправляясь на бой. Однако не следует забывать, что, помимо сказочного образа, существует также и летописный герой, который голыми руками мнет и разрывает кожи, а после сражается с печенежским богатырем – Никита из Лаврентьевской летописи.

Не менее значительно изменен сюжет об Алеше Поповиче. Левшин выводит героя как сына Чурилы Пленковича и Порусской жрицы Прелепы. Здесь нужно отметить, что Левшин очень строго выдерживает

свое повествование в рамках языческого времени. Поэтому вместо традиционного толкования: Попович – «сын попа», писатель предлагает свою версию – «Алеша Попоевич», то есть сын Попоензы. Попоенза, или Перкун, – бог страны Порусии, где и рождается Алеша. В текст даже помещен авторский комментарий: «Сие имя простым народом испорчено и обращено в Алешу Поповича» [Левшин 1991: 245]. В изложении Левшина Алеша Попович встречается в качестве противника Царь-девицу, то есть, так же как и в повести о Чуриле Пленковиче, события дополняются сказочными элементами и не повторяют буквально былинный сюжет. Сохранен, однако, характер героя: хитрость, мужество, удаль, увертливость, лукавство, задорство, нахальство.

В повести о дворянине Заолешанине в основу произведения кладется уже авантюрно-приключенческий или волшебнo-рыцарский сюжет. Главный герой, наделенный от рождения силой и умом, воспитывается отдельно от родителей и в определенный срок должен отправиться в длительное путешествие. «Я богатырь и должен странствовать» – говорит себе юный Звенислав. Следует отметить, что имя героя уже не заимствовано из фольклора или былинного эпоса, а является авторским. Герой встречает прекрасную княжну, заключенную в плен у Бабы Яги, освобождает ее, а далее следует череда приключений, в которых богатырь вновь теряет возлюбленную, ищет, совершает бесчисленное количество подвигов и в финале соединяется с любимой, а также находит родителей. Повесть о Звениславе гораздо больше по объему, чем предыдущие, и, хотя она не основывается на былинном сюжете, вбирает в себя достаточное количество сказочных мотивов.

Из персонажей русского фольклора в повести о Заолешанине одной из первых фигурирует Баба Яга. Образ колдуньи остался схож с фольклорным: «Безобразная сгорбленная старуха с длинными лохмами нечесаных волос, с длинным, синим, сопливым носом крючком, с одной костяной или золотой ногой. Ее огромные железные груди болтаются до пояса и ниже. Одета Баба в одну рубаху без опояски. Глаза Яги горят красными сполохами. Кости у нее местами выходят наружу из-под тела. У Бабы Яги костлявые руки и острые железные зубы» [Мельников: электрон. ресурс] – такое описание можно вынести из сказок о Бабе Яге. У Левшина колдунья предстает так: «Представьте себе пресмуглую и тощую бабу семи аршин ростом, у которой на обе стороны торчали равно как у дикой свиньи зубы, аршина полтора длиной, притом же руки ее украшали медвежьи когти» [Левшин 1991: 313]. Но Левшин ввел отдельную историю о ее происхождении, где Баба Яга выступает как неудавшийся эксперимент черта, задумавшего создать совершенное зло. Там же Левшин объясняет появление костяных ног у Бабы Яги тем, что черт, недовольный результатом, швырнул на пол банку с заключенной в ней

Ягой.

Помимо Бабы Яги, в одном из вставных рассказов повести о Заолешанине встречается такой персонаж, как Кашей Бессмертный. Здесь Левшин значительно отходит от традиционного образа: Кашей представлен как обычный человек, но обладающий очарованной броней, которая делает его непобедимым. Интересно то, что Левшин не выводит Кашея как отрицательного героя. Здесь это король, справедливо сражающийся за свою честь. Фольклорный мотив о Кашеевой смерти несколько видоизменен и представлен как слух, басня: «Слух носился, что смерть его заперта в камне, лежащем на дне окяна, что в нем есть утка, и в утке яйцо, которым надлежит ударить Кашея в лоб» [Левшин 1991: 171]. В итоге же Кашей оказывается сражен волшебным мечом-Самосеком.

В повестях Левшина фигурируют не только сказочные и былинные образы, но также заимствования из летописей и древнерусской переводной беллетристики. К примеру, первые три повести объединены фигурой князя Владимира, которому служат главные герои. Стоит отметить, что авторское вмешательство в летописный материал начинается с первых строк повествования. Первая повесть открывается описанием жены князя Владимира – «болгарыни Милолики», ради которой князь некогда «освободил всех 800 наложниц, заключаемых для него в Вышграде». Согласно летописи, князь Владимир действительно был женат на дочери царя дунайских болгар, однако отказ от «распутной жизни» произошел уже после крещения Владимира, т.е. после его брака с византийской царевной Анной. В повести о богатыре Заолешанине появляется такой герой, как Громобой или Свенельд, который был некогда воеводой у князя Святослава Игоревича. Эти образы Левшин также почерпнул из «Повести временных лет», на этот раз не интерпретируя. В повести о богатыре Булате встречается описание британской столицы, которая как стеной окружена огромным змеем. Такой же образ можно найти в «Сказании о Вавилонском царстве», где огромный змей окольцовывает заброшенный город. Здесь можно вспомнить образ Ермунганда из «Старшей Эдды» – змея, тело которого окружает Мидгард, мир, населенный людьми.

Рассматривая сборник, необходимо также отметить параллель славянского пантеона, который выстраивает Левшин, с античным. Каждому славянскому богу можно подобрать аналог: Перун – Зевс, Зимцерла – Аврора/Эос, Лада – Афродита, Лель – Купидон, Полель – Гименей, Дидилия – Деметра, Световид – Феб, Чернобог – Плутон. В последних двух повестях сборника Чернобог фигурирует наиболее часто. В повести о богатыре Булате Чернобог предсказывает героям будущее и дает наставления. Хотя Левшин дает достаточно зловещее описание его храма, в повести Чернобог фигурирует как даритель или помощник. В

повести о Баламире, государе уннов, именем Чернобога клянутся или произносят проклятия. Характерно, что у Левшина Чернобог не приносит несчастья, хотя А.С. Кайсаровым [Кайсаров 1810] и М.И. Поповым [Попов 1768] традиционно описывался как «злой бог».

Кроме богов, следует отметить появление таких персонажей, как полканы. Левшин дает комментарий: «Животное, имеющее конский стан и вместо шеи верхнюю половину человека» [Левшин 1991: 129]. На наш взгляд, хотя параллель с античными кентаврами является очевидной, можно предположить, что этот образ заимствован из древнерусской литературы. В повести о Бове-королевиче некое существо с телом наполовину человеческим, наполовину лошадиным, а в некоторых вариантах с песьей головой, выступает как враг Бовы, однако после сражения с ним становится его верным другом и союзником.

Авторская мифология Левшина проявляется в том, что он заимствует из античной мифологии описание персонажей, давая им свои имена. В повести о богатыре Булате появляется такой персонаж, как Смок: «Чудовище сие имело стан львиный, крылья, подобные нетопырвым, ноги и хвост, покрытые непроницаемою чешуею с преострыми когтями, а между числа змеиных голов своих одну человеческую». Возможно, здесь представлен трансформированный образ химеры и лирнейской гидры. Также в повести богатырь Булат, побеждая Смока, надевает на себя его шкуру, подобно Гераклу, который носил шкуру убитого им льва. Следует отметить, что, кроме античных образов и персонажей, Левшин заимствует также и сюжеты. Обратим внимание на вставную повесть «О коне Златокопыте и мече Самосеке». Волшебный конь Златокопыт рождается от насильственного союза духа и морской царевны Асталии. Левшин изображает Полифема как «одноглазого исполина с железною дубиною», а морскую царевну как женщину, имевшую змей вместо волос и взгляд, обращающий в камень – мы видим образ Медузы Горгоны из греческой мифологии. Здесь, безусловно, прочитывается миф о Пегасе. Согласно поздней версии мифа, приводимой Овидием, Пегас был рожден медузой, после того как Посейдон насильно овладел ею в храме Афины. Подобно античному коню, Златокопыт имеет способность летать на крыльях и в финале повести оказывается помещен на небо.

Другой античный сюжет повторяется в рассказе о священной реке Буг. Некогда Перун «свел тесное знакомство» с прислужницей своей жены Лады, русалкой реки Молды. Когда один раз девушка отказалась принимать участие во всеобщем купании, Лада, приказав насильно раздеть прислужницу, обнаружила, что та беременна. Заподозрив несчастную в связи со своим мужем, богиня разгневалась и обратила русалку в каменную гору. Назло супруге Перун предрек, что из горы «произойдет такая река, воды которой будут отвращать всякое

очарование» [Левшин 1991: 367]. Когда пришел срок, превращенная в гору русалка разрешилась священной рекой. Здесь, на наш взгляд, можно провести параллель с античным мифом о Зевсе и нимфе Каллисто.

Отдельно следует выделить такой образ, как меч Самосек. «Сила меча сего состоит в том, что носящий оный никем не может быть побежден, никакое оружие не может дать оному раны, напротив он мечом сим рассекает крепчайших исполинов наполю и может один побивать целые войски, ибо меч сей без рук действует по приказу оным владеющего» [Левшин 1991: 262] – так описан волшебный меч в повести у Левшина. Ко всему прочему, заключен меч в алмазной горе. Первая параллель, которую можно обнаружить, – это Меч-из-Камня, первый меч короля Артура, которым он владел до Эскалибура. Однако стоит сказать, что мотив меча, заключенного в камне или скале, является достаточно распространенным. Так, в мифе о Тесее его отец – царь Эгей – прячет под скалу свои сандалии и меч, а когда приходит время и Тесей становится достаточно сильным, он поднимает скалу и забирает оставленные отцом дары. В древнерусской литературе можно вспомнить «Повесть о Петре и Февронии», где меч-кладенец заключен в стене монастыря. На наш взгляд, сложно выявить точный аналог образу левшинского меча. В финале повести меч Самосек, так же как и конь Златокопыт, оказывается помещенным на небо.

Обратимся к анализу западноевропейских мотивов. Один из наиболее интересных образов – пан Твердовский, который появляется в повести об Алеше Поповиче. Этот образ заимствован Левшиным из польских народных легенд. Согласно польскому фольклору, пан Твардовский продал свою душу дьяволу, желая приобрести сверхъестественные познания и пожить в свое удовольствие, а когда по истечении условленного срока дьявол уводил Твардовского к себе, он спасся тем, что запел духовную песнь; однако остался осужденным витать в воздухе между небом и землей до дня Страшного Суда. Богатырь Алеша Попович путешествует через Польшу и ночует в заброшенном доме, где обитает призрак пана Твардовского. Левшин сохранил элемент с продажей души, однако интерпретировал сюжет по-своему: душа Твардовского обретет покой, если кто-нибудь осмелится провести ночь в зачарованном доме. Следует отметить также характерный для готического романа мотив дома или замка с привидениями, который впоследствии получит достаточно интенсивное развитие в Европе. В повести о Баламире фигурирует сюжет, где залогом счастливого брака является условие, согласно которому муж не должен знать о том, кто его жена. Как только он пытается проникнуть в эту тайну, супруги разлучаются. С одной стороны, здесь можно выявить параллель со сказочным сюжетом о царевне-лягушке, когда Иван-царевич, не дожидаясь нужного срока, нарушает некий запрет – сжигает лягушачью кожу. С другой стороны, аналогичный сюжет бытует в легенде

о Лознгрине – рыцаре Белого Лебедя. Супруге рыцаря запрещено спрашивать о том, кто ее муж, иначе он навсегда покинет дом.

Стоит обратить внимание и на специфику связи повестей Левшина с реалиями его времени. В финале повести о богатыре Булате Левшин пишет о «золотом веке», который «ныне исполнился», то есть наступил с приходом Екатерины II. Однако, помимо этого, Левшин вставляет замечания о нравах современного века. В повести об Алеше Поповиче есть описание, как герой, используя перстень-невидимку, подшучивает над придворными: снимает шапку гордому вельможе и нагибает перед челобитчиком его голову, стирает с пожилой красавицы белила и румяна, толкает злоязычников и льстецов. «Может быть, оные [шутки] не смешны будут на нынешний вкус, – подмечает Левшин. – Все таковые пороки были тогда в диковинку, и потому оным смеялись».

Подводя итог, следует сказать, что в результате анализа нами выделен ряд былинных, сказочных, летописных, фольклорных, античных и западноевропейских образов и мотивов. Повести о Добрыне Никитиче, Чуриле Пленковиче и Алеше Поповиче включают себе наибольшее количество элементов былинного и сказочного характера. Своеобразной «переходной» повестью можно назвать повесть о богатыре Заолешанине, где Левшин, хотя еще сохраняет связь с летописью, начинает углубляться в авторское мифотворчество. И последние две повести: о богатыре Булате и о государе уннов Баламире практически полностью составлены из авторского баснословия. Необходимо отметить, что отдаление от фольклорных и летописных источников дает автору возможность расширить границы повествования. Поэтому последние три повести значительно объемнее трех первых.

Такой сложный синтез мотивов и сюжетов делает «Русские сказки» литературным феноменом в русской беллетристике, в котором открыт простор для авторского мифотворчества. Таким образом, Левшин открыл удивительный простор для славянского «баснословия» XVIII века, представителями которого в это время были, помимо него, М.Д. Чулков и М.И. Попов.

Список литературы

- Кайсаров А.С.* Славянская и Российская мифология / А.С. Кайсаров. – М.: [б.и.], 1810. – 48 с.
- Левшин В.А.* Русские сказки / В.А. Левшин // Старинные диковинки. – Т. 3. – Кн. 1 : Волшебно-богатырские повести XVIII века. – М., 1991.
- Мельников В.В.* Язычество славян [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://paganism.msk.ru> (дата обращения: 24.04.11).
- Попов М.И.* Описание древнего славянского языческого баснословия / М.И. Попов. – СПб., 1768 [электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 03.04.11).